

Окуджава Б.

12/хл 84

— Наши интервью —

БУЛАТ
ОКУДЖАВА:

Двадцать три года спустя

Почему именно 23? Потому что столько лет прошло со дня первого приезда Булата Шалвовича Окуджавы в Харьков. Оказывается, и он прекрасно помнит об этом.

— Тогда я только начал свои выступления. Пробовал петь собственные песни и аккомпанировал себе на гитаре. Вернее было бы сказать, я не пел, а напевал свои стихи. Сперва для друзей. Потом приглашали и в незнакомые дома, записывали на магнитофоны. Так получилось, что мои песни узнали многие. Для того времени они казались необычными, слишком камерными...

— В одной из песен вы поете: «Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит...». Но, оказывается, «творческое дыхание» может быть разным у одного и того же писателя. Ваши песни и стихи просты по стилю, почти афористичны. А проза полифонична, многослойна...

— Знаете, я редко задумываюсь над проблемами подобного рода тем более применительно к собственной работе. Это удел литературоведов. Возможно, что ответ на этот вопрос будет неполным. Поэзией я занимаюсь давно и давно пришел для

себя к каким-то основополагающим принципам. В прозе мой опыт сравнительно невелик.

Когда рождается стихотворная строка, я порой записываю ее на первом попавшемся клочке бумаги. А проза не терпит непостоянства. Я работаю над прозой с 8 утра до двух дня. А вечером перечитываю и попутно правлю. Так что разница есть даже в способе работы.

— А как вы отдыхаете?

— Свободного времени как досуга я не имею. Отдыхаю, занимаюсь любым делом. Люблю варить обед, мыть посуду — это приводит к самоиронии, которую считаю очень важным человеческим качеством. Люблю свою машину — автолюбитель я стал сравнительно поздно. Очень люблю свою коллекцию исторических реликвий и книг, но это уже опять не отдых, а скорее работа, которая помогает отыскать любопытные сюжеты, факты, наблюдения.

— И снова о вашей прозе. «Глоток свободы» — повесть о декабристе Пестеле. «Путешествие дилетантов» — отзыв той же эпохи, недавно

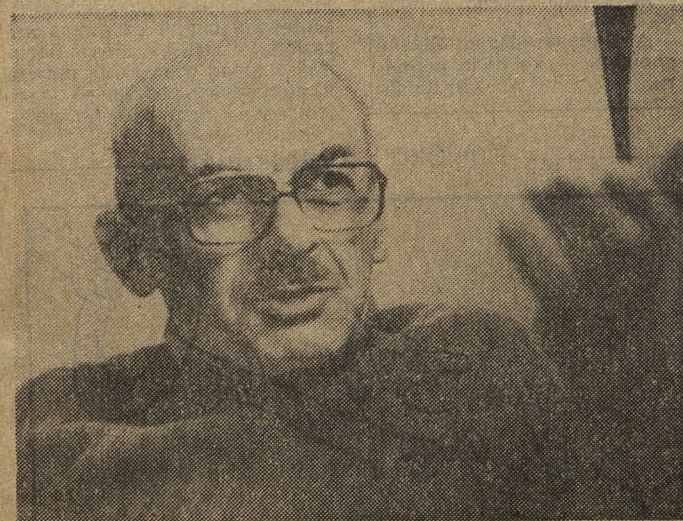
опубликованный роман «Свидание с Бонапартом» — тоже про век минувший. Чем это объяснить? Ведь в стихах вы обращаетесь, как правило, к чувствам и мыслям нашего современника.

— Отношение к истории тоже определяет современника. Не секрет, что отечественную историю мы знаем плохо, а значит, и свою родословную, тоже. Возможно, этому скучно учили в школе, возможно, есть и другие причины. Сейчас появляются некоторые писатели, взявшиеся историю иллюстрировать. Наверное, это не большая литература. Настоящий исторический писатель тот, кто воссоздал дух эпохи, а не нарисовал просто ряд любопытных исторических картинок.

— Согласны ли вы с определением, данным вашей прозе одним из критиков, — «исторические фантазии»?

— Ничего не имею против такого определения. Впрочем, не дело писателей наставлять литературоведов, как понимать собственные произведения. Они должны говорить сами за себя. Произведение — это исповедь автора.

— В своем выступлении пе-

ред харьковчанами вы говорили о том, что ваши песни — это способ исполнения собственных стихов. Но вот в ваших руках гитара, и оказывается, что по всем признакам (мелодия, ритм, аккомпанемент, куплетное построение) — это песни. И поете их теперь не только вы.

— Я уже говорил, что определение жанра — это не по моей части. Для меня это поэзия. Когда я пишу стихи, мне хочется их напе-

вать. Так было, например, с известной песней о Ленке Королеве. Объединение автора текста стихов и музыки в одном лице — характерная черта сегодняшней литературы и музыки. Случалось такое и раньше — сочиняли и пели свои стихи Аполлон Григорьев, Александр Вертинский. Поэтическое поколение, к которому принадлежу я, исповедовало русский городской романс. Штампованные тексты, «ба-

рабанные» мелодии мы отклоняли. Мы не обладали певческими голосами, пели шепотком, и поэтому кое-кто не сразу расслышал, что в наших песнях главное — это слово. Новелла Матвеева, Юлий Ким, Вероника Долина — вот имена открывших острова и материки сегодняшней авторской песни. Думаю, она серьезно повлияла на нашу эстраду, и это не испортило последнюю. Но бывает, что сама авторская песня сбивается до уровня плохой эстрады. Я и здесь мог бы привести примеры, но очень уж не люблю выступать в роли эдакого всезнающего судьи...

— За каждым настоящим поэтом, как правило, стоит судьба целого поколения. Ваше поколение воевало и, может быть, поэтому именно ему присуще высокое чувство ответственности за судьбы людей...

— Сравнить поколения не надо. Каждое выдвигает свою лучшую поросль, свою совесть. В каждом есть и балласт. 9 мая 1941 года мне исполнилось 17 лет, поэтому на второй день войны нас с товарищем — одноклассником отослали из военкомата домой. Мы ходили туда еще и еще и, наконец, к

нам привыкли и поручили разносить повестки. И вот настал день, когда мы понесли повестки друг другу — мой товарищ мне, а я ему домой. Тетя очень плакала и сказала, что на фронт меня не пустит. А я ответил: «Тетя, спешите мне вещмешок, я все равно уйду». Начиная воевать на Северо-Кавказском фронте. Под Моздоком меня ранило пулеметной очередью из фашистского самолета. Я надолго попал в госпиталь и до конца войны служил уже не на переднем крае.

Недавно я был в одной из московских школ, среди семнадцатилетних ребят, родившихся более чем через двадцать лет после войны. Я смотрел и слушал внуков фронтовиков и узнавал в них нас семнадцатилетних. Но самое поразительное для меня было то, что они пели потом мои песни, которые я-то считал памятью своего поколения. Я не знаю, что они услышали для себя в этих песнях, в этих словах. Но для меня в семнадцатилетних жителях современного Арбата открылось что-то новое...

Беседу вел
А. ЧЕПАЛОВ.
Фото автора.

12 декабря 1984 г.

Красное знамя
г. Харьков

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»